
РОССИЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Историко-архивный институт

*Кафедра источниковедения
и вспомогательных исторических
дисциплин*

Институт
«Русская антропологическая школа»

Библиотека РАН

Выпуск 1

Σ.В. Игелов

Российский
государственный
герб

Композиция, стилистика
и семантика в историческом
контексте

Москва
2005

УДК 929.6 (47)
ББК 63.2
П 92

Ответственный редактор
академик Российской академии наук
Вяч. Вс. Иванов

Консультант
д-р ист. наук, проф.
Е.И. Каменцева

Художник
М. Гуров

© Е.В. Пчелов, 2005
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2005

ISBN 5-7281-0809-1

Предисловие

Предлагаемое вниманию читателей исследование Е.В. Пчелова открывает собой ряд публикаций, отражающих научную работу нового Института Российского государственного гуманитарного университета – «Русской антропологической школы». Одной из задач этого научно-учебного объединения является изучение символики русской культуры в ее соотношении с другими традициями, призванное помочь осуществить сформулированный еще о. Павлом Флоренским план создания *Symbolarium*'а – свода всех используемых в разных культурах символов. При этом особое внимание обращается как на универсальные символы, объединяющие между собой различные традиции, так и на специфику их воплощения в отдельных странах, которая зависит от исторических условий их бытования.

Е.В. Пчелов рассматривает многовековую историю российского государственного герба. По отношению к каждому из входящих в него элементов – таких, как двуглавый орел, всадник на коне, поражающий дракона, и единорог – ведется сравнительное исследование, позволяющее выявить их истоки, последовательные изменения в разные периоды, роль в общей композиции и характер их меняющейся интерпретации. Так, прослеживаемая по памятникам история эмблемы двуглавого орла в Западной Евразии документирована уже древнемалоазиатскими – хеттскими изображениями (можно заметить, что о связи орла с царской властью говорится в древнехеттском ритуале, восходящем к XVII в. до н. э.). Но для дальнейшей судьбы символа оказывается нужным сравнение не только с его продолжением в том же ареале – Византии, но и в Западной (Священной) Римской империи. Интересны не только выявляемые отличия в понимании функций этого образа, но и связанные с разными его истолкованиями меняю-

щиеся подробности, например языки, высывающиеся в тех случаях, когда клювы раскрываются сообразно с новым осмыслением символа.

Из увлекательных проблем, которые ставит перед историком русской культуры исследование Е. Пчелова, можно отметить судьбу запечатленного на печатях и монетах образа царственного всадника на коне, пронзающего копьем поверженного дракона (едва ли многие из тех, кто произносит название *копейка*, догадываются, что оно происходит от слова «*копье*»). Кажется несомненным, что этот символ, с одной стороны, восходит (главным образом через иконографию Георгия Победоносца, привлекаемую с этой точки зрения к рассмотрению в работе Е. Пчелова) к тому универсальному образу культурного героя или Бога на коне, который исследован Фонтенроузе и следовавшими за ним специалистами по мифологии, с другой стороны, важен для родословной Медного Всадника и возникшего вокруг него Петербургского Мифа, на изучении которого сосредоточены усилия многих наших литературоведов.

Любопытное продолжение сулит и возможное дальнейшее сравнительное исследование других символов, обсуждаемых в публикуемой работе. Установленные в ней два значения образа единорога – религиозное и географическое (в российском гербе более позднее, указывающее на Среднюю Азию – Туркестан) – могут быть рассмотрены и в более широкой перспективе, учитывающей недавно открытую роль этого символа в литературе и культуре средневековой Центральной Азии.

Отмеченные в исследовании другие эмблемы (в частности, связанные с символом дерева в сочетании с зооморфными образами) могут восходить к универсальным архетипам, в свое время раскрытым А. Леруа-Гураном.

Трансформация этих и многих других элементов российского герба, в том числе эмблем отдельных земель в их соотношении друг с другом внутри единой композиции, прослежена автором в связи с расширением границ империи. Возникающие благодаря анализу взаимного расположения частей герба вопросы, касающиеся ориентации при определении правой и левой сторон на центр герба или на зрителя, сходны с теми, которые по отношению к простран-

ственности в произведениях изобразительного искусства ренессанс о. Павел Флоренский. Как он показал, данный вопрос сопряжен с мировоззренческой установкой создателя композиции и поэтому связывает изучение организации пространства символов с раскрытием общего замысла.

Замечательно исследованное Е. Пчеловым соотношение исторических причин преобразования символики герба с индивидуальными особенностями отдельных монархов. В этом смысле чрезвычайно интересен раздел работы, говорящий о мистических устремлениях императора Павла Первого, чьи чаяния общеевропейского христианского рыцарства можно было бы сравнить с отвечавшими духу того времени взглядами, выраженными в статье Новалиса. Попытка Павла ввести в российский герб принадлежавший ему самому как магистру Мальтийского ордена Мальтийский крест вместе с другими нововведениями была сразу же после его убийства отменена его сыном, преемником и противником (если не одним из убийц) Александром Первым. Отчасти аналогичным образом Иван Грозный пытался навязать гербу свои апокалиптические видения, но это не получило развития в последующей традиции. Примечательно обилие и неустойчивость символов в эпоху Петра Великого, когда будущие нововведения только наметились.

Заслуживает внимания и краткая характеристика преобразования герба при Временном правительстве, когда велика была роль личного стиля художника Билибина. Что касается последующего времени, о котором по мере раскрытия архивных данных можно будет говорить подробнее, в этом разделе увлекательны наблюдения, свидетельствующие об изоморфности структуры традиционного старого и нового гербов. В работе вся русская история последней половины тысячелетия показана через призму символики герба.

Директор Института
«Русская антропологическая школа»
РГГУ

Вячеслав Вс. Иванов

Предварительные замечания*

Бог – в деталях
Аби Варбург
(1866–1929)

Истории российского государственного герба, насчитывающей пять с лишним веков, посвящена обширная исследовательская литература¹. Довольно подробно изучена эволюция его основных эмблем, выявлены происходившие с ними трансформации, собран значительный изобразительный материал. Тем не менее проблема исследования семантики как герба в целом, так и конкретных его элементов в различные исторические эпохи еще далека от решения. Перед исследователем в данном случае встает несколько препятствий.

Прежде всего применительно к эпохе Средневековья, да и более позднего времени также, следует учитывать полисемантичесность изобразительных образов: «всякое изображение несло несколько смыслов, каждый из которых имел, видимо, функциональное назначение»², поэтому особенно важно определить, какой смысл был доминирующим для данного образа в данном контексте и как этот образ воспринимался современниками. Здесь, однако, главная сложность состоит не только в том, что семантика тех или иных эмблем изменялась со временем, но и в том, что далеко не для каждой эпохи в распоряжении исследователя

* В основе текста лежит доклад, сделанный на заседании «Русского семинара» Института высших гуманитарных исследований и Института «Русская антропологическая школа» РГГУ в январе 2004 г. Сердечно благодарю дорогих друзей и коллег И.А. Протопопову, С.В. Зверева, Т.Ю. Стукалову, Д.О. Торшиловой, М.Ю. Катина-Ярцева, Е.Я. Зотову, А.И. Сосланда, Е.В. Улыбину и других за большую помощь в процессе работы над данным исследованием.

имеется достаточный материал источников, поясняющих смысл эмблемы. Так, применительно к российскому государственному гербу на печати, например, трактовка изображения всадника, колющего копьём змия, встречается, да и то в сжатом виде, в письменных источниках лишь со второй половины XVI в., т. е. полвека спустя после появления самой эмблемы в качестве именно элемента государственной геральдики. При этом интерпретация эмблемы может исходить от разных социальных и культурных слоев: официальных лиц, обладающих государственными полномочиями, например русских послов в европейских странах, представителей духовно-интеллектуальной среды и т. д. Иными словами, разница в восприятии эмблемы может быть довольно существенной, если к тому же учитывать авторскую индивидуальность создателей подобных интерпретаций³. Конечно, в этом случае наиболее существенна официальная трактовка, но дело осложняется тем, что и таких свидетельств немного – по сути первое законодательно официальное описание российского государственного герба (именно герба, а не печати) относится ко времени правления Павла I, а государственной печати – к 1667 г.

Поэтому в такой ситуации актуальным становится изучение не только государственных эмблем в целом, но и их взаимосвязанных элементов (под элементами здесь подразумеваются эмблемы, которые могут выступать и в качестве самостоятельных эмблем, но входят в общую композицию государственного герба, например короны над головами орла, змий под копытами коня всадника и т. д.), а также деталей изображения (тех особенностей изображения, которые имеют устойчивый, постоянный в определенном промежутке времени характер, хотя могут и изменяться, например положение крыльев орла, одежда всадника и т. п.) и, наконец, их пространственной соотношенности (взаимное расположение, поворот фигур и т. д.). Безусловно, каждое изображение государственного герба, особенно в эпоху Средневековья, несет на себе черты индивидуального «почерка» своего создателя-мастера. И в случае атрибуции отдельных изображений наиболее перспективным представ-

ляется анализ именно частных деталей и особенностей их изображения как бы на микроуровне (подобно методу «уликовой парадигмы», сформулированному К. Гинзбургом⁴). Но само по себе наличие элементов герба и деталей эмблем и их взаимная соотношенность, бесспорно, не случайны. Более того, они обнаруживают определенную устойчивость, позволяющую говорить о закономерностях в их бытовании (разумеется, с учетом и постепенной эволюции). Нельзя не согласиться с утверждением А.Л. Юрбанова, что «для мышления средневекового человека не существует “праздных”, нейтральных с точки зрения мировосприятия изображений, выполняющих исключительно эстетическую функцию»⁵. Во многом это справедливо и для более позднего времени, особенно применительно к такой области, как геральдика. К сожалению, в отечественной исторической науке имеются лишь отдельные примеры такого анализа, которые тем не менее уже принесли весьма ощутимые плоды⁶.

Необходимо, впрочем, отметить, что происходившие изменения герба отнюдь не означали одномоментный и всеобщий переход к новым формам. Сила традиции была велика, и старые изображения еще могли продолжать использовать какое-то время, тем более, что, к примеру, отношение к государственным печатям, на которых и помещалось изображение герба, было очень внимательным, а сохранности старых печатей придавалось большое значение⁷. Поэтому важно именно первое появление изменения, которое не всегда можно определить с достаточной точностью. К сожалению, проблема сохранности материала применительно, в частности, и к печатям, дает о себе знать и здесь: множество документов русского Средневековья, а вместе с ними и оттисков печатей утрачено (можно упомянуть московский пожар 1626 г.)⁸, и даже наличие металлических матриц в музейных собраниях не обладает достаточной полнотой и хронологически не выходит за пределы конца XVII в.⁹ Отсюда неизбежно выводы исследования, выполненные на имеющемся материале, предполагают значительную степень приблизительности.

Историю российского государственного герба, по крайней мере до конца XVIII в., следует, разумеется, изучать прежде всего по памятникам сфрагистики, поскольку на государственных печатях и помещалось наиболее официальное геральдическое изображение¹⁰. Однако помимо печатей геральдические эмблемы присутствовали и на монетах (металлические денежные знаки), и на наградных «золотых» («нумизматические» по форме, но «фалеристические» по функциональности), и на знаменах (понятия государственного флага для допетровской Руси не существовало), имеются также многочисленные изображения в книгах (речь, конечно, не идет об «официальных» рисунках печатей и гербов, например в «Титулярнике» или в Полном собрании законов Российской империи), на предметах царского обихода, вооружения, декоративно-прикладного искусства и т. д. Количество форм здесь было очень велико и отличалось большим разнообразием¹¹ (не в последнюю очередь это зависело и от функциональных особенностей предметов, носителей гербовых изображений).

Казалось бы, логично предположить, что ближе всего к «каноническим» изображениям, эмблемам на печатях стояли изображения на монетах и наградных «золотых». Тем не менее это не так. Эти два комплекса изображений существенно отличаются не только друг от друга, но и от изображений на государственных печатях. «Изначальная нетождественность символических образов на монетах и печатях», отмеченная А.Л. Юргановым для конца XV–XVI в.¹², продолжала сохраняться вплоть до середины XIX в. (наблюдается она и сегодня). Поэтому, несмотря на весьма важное геральдическое значение нумизматического материала¹³, анализ государственного герба будет основываться прежде всего на сфрагистических источниках с привлечением и нумизматических, и фалеристических (в данном контексте – наградных «золотых»).

Задачами работы являются:

1. Анализ наиболее существенных трансформаций как государственного герба в целом, так и его элементов и

их интерпретаций в зависимости от культурно-исторического и идеологического контекста эпохи.

2. Выявление взаимосвязи и взаимовлияний стилистических особенностей изображения государственного герба и его семантики, иными словами, соотношения стилистического и смыслового аспектов эмблем.

3. Анализ пространственной соотнесенности эмблем и их локализации в рамках общей композиционной «топографии» герба с целью характеристики пространственно-ориентационных оппозиций (верх – низ, право – лево, центр – периферия) в российской государственной геральдике.

При этом основное внимание будет сосредоточено на композиционно сложных типах герба, причем таких, в которых появляются принципиально новые геральдические элементы, вписываемые в общую многофигурную структуру и вносящие в герб новое семантическое звучание.